

Журнал и сцена
1996. - 20-27
Игорь - С.16.

— Юрий Николаевич, недавно вы завершили работу над новой книгой.

— Книга называется "Механика судеб". В ней я пытаюсь определить алгоритмы жизни Пушкина, Гоголя и Наполеона. Но не потому, что меня вдруг заинтересовали их биографии как таковые. Меня, как человека, занимающегося искусством, интересует "идея человеческая". Замысел книги родился в связи с тем альтернативным курсом драматургии, который я читаю во ВГИКе. Нужно было чем-то завершить курс и я подумал: "А подчиняется ли реальная жизнь тем законам драматургии, о которых я рассказываю студентам?" То есть, — подчиняется ли она, например, закону развязки при определенном типе завязки, подчиняется ли она принципу "золотого сечения", подчиняется ли жизнь вообще законам причинно-следственной связи? Ведь драматургия исследует причинно-следственную связь и не более того.

Любой сценарий, любое драматическое произведение — всего лишь просматривание причинно-следственной связи на определенном пространственно-временном отрезке. Все остальное может быть, а может и не быть, так называемый смысл, философия, эстетика. С причинно-следственной связи все начинается, и ею же все заканчивается. Для задуманного исследования надо было выбрать такую жизнь, о которой все известно, кажется, все, которая исследована буквально по минутам, да и самому пушкиноведению чуть ли не двести лет. Когда я стал изучать документы, то обнаружил, что жизнь Пушкина удивительным образом укладывается в определенную схему. То, что произошло с Пушкиным в последние годы жизни, абсолютно точно имеет начинания в первой половине жизни. Я увидел, что чудовищная любовная интрига, закрученная вокруг поэта в 30-х годах, началась на самом деле, в 10-х годах, в период юношеских увлечений Александра Сергеевича.

Недоверие власти к Пушкину, вылившееся, например, в то, что Бенкендорф поехал предотвращать дуэль в другую сторону, а не туда, где она имела место быть, так же точно имеет завязки в 10-х годах, когда у поэта возникли с этой властью очень серьезные двусмысленные отношения. Подозрение Пушкина в атеизме, которое омрачало его отношения с двором и с государем, тоже возникло в 10-20-х годах, точнее тогда, когда он написал "Гавриладию". Я увидел, что ссылка в Михайловское отвечает теории "золотого сечения" ("золотым сечением" принято считать точку покоя в композиции художественного произведения, расположенную примерно или на 1/3:2/3, или на 2/3:1/3 от начала).

В Михайловском Пушкин решает перезавязать завязки своей жизни, надеясь, что возникнут и иные следствия. Именно после Михайловского он принимает решение жениться, пишет известное исповедально-покаянное письмо государю, все более христианизируется, создает действительно христианские стихотворения, но беда в том, — и тут у меня нет таких весов, чтобы взвесить, — что новые завязки не перебили завязки старые. Может быть, отчасти потому, что сами они были несколько двусмысленными. Об этом я подробно говорю в книге.

Пушкин хотел идти "новым курсом", но сделать этого последовательно не мог. Прошлое оказалось сильнее. Завязки, сделанные им в 10-х годах, в конце концов его раздавили.

— Таким образом, получилось исследование о карме, о воздаянии, основанное на исторических источниках?

— Я принципиально не привлекал сомнительных источников, а только те, которые давно апробированы в пушкиноведении. И эта попытка разгадать жизнь Пушкина, на мой взгляд, имеет прямое отношение к каждому из нас. Мне, кажется, удалось доказать, что искреннее церковное покаяние превосходит следствия неблагоприятных причин, превосходит темные следствия темных завязок, что посредством покаяния можно в зна-

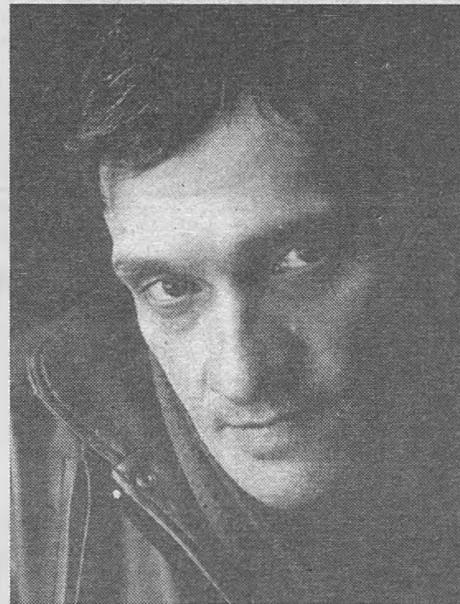
чительной степени изменить свою судьбу.

— ...И при этом необязательно стремиться перезавязать завязки, как это делал Пушкин. Главное — покаяться. Интересно, что же тогда подтвердила жизнь Гоголя?

— Жизнь Гоголя подтвердила довольно странную вещь. Загадка его жизни обнаружилась всего лишь в двоящихся завязках, в двоящихся причинах и помыслах, которые возникали у него и преследовали его всю жизнь. Все это основывается на целом ряде исторических документов, также неоспоримых. Вся жизнь Гоголя —

Автор рассказывает

Арабов Юрий Николаевич родился в 1954 году. В 1980 году окончил сценарный факультет ВГИКа (мастерская Н.Фигуровского и Е.Дикова). По сценариям Ю.Арабова режиссер А.Сокуров поставил фильмы: "Одиноким голос человека", "Скорбное бесчувствие", "Дни затмения", "Спаси и сохрани", "Круг второй", "Камень"; режиссер О.Тепцов — "Господин оформитель", "Посвященный"; режиссер А.Добровольский — "Сфинкс", "Присутствие". Ю.Арабов, автор сценариев "Silentium", "Вечное движение", "Две танцовщицы", "Крейсер", "Николай Вавилов" (в соавторстве с С.Дьяченко); автор поэтических сборников "Ненстоящая сага", "Авгостоп" и "Простая жизнь". С 1994 года Ю.Арабов — заведующий кафедрой сценарного мастерства ВГИКа.

это двойные следствия из двойных завязок. Отсюда и сам Гоголь как бы раздваивается. Первое — болезнь. Вся юность Гоголя прошла в розыгрыше болезни. Все юные годы он разыгрывал умопомешательство, поэтому в конце жизни игра обернулась реальностью. Он был как бы и здоров, и нездоров одновременно. Вследствие чего совершенно непонятно, каким же он все-таки был на самом деле, — то ли здоровым человеком, то ли тяжело больным?

Второе — мечта о "великом поприще" и литературный труд. "Великое поприще", которое даст миру новые законы и литературный труд, обычно скромный. Все также завязывается в узел, развязать который совершенно невозможно: двоящиеся следствия из двойной завязки. Это приводит, в частности, к сжиганию того, что не пользуется общественным успехом. Отречение от "Избранных мест..." после неуспеха у публики, боязнь публикации "Мертвых душ", — все это может не оправдать "великое поприще". Кстати, любимое слово Гоголя — поприще, и в "Записках сумасшедшего" герой, видимо, не случайно носит фамилию Поприщин.

Третье — система двойников, окружающая Гоголя в конце жизни. Раздваивание духовных отцов. С одной стороны, — отец Матфей. Крайне аскетическая, воинствующая натура, который требовал отречения от Пушкина. С другой, — митрополит Филарет, считавший, что Гоголю не следует поститься, и в канун Великого поста приславший батюшку, который старался заразить Гоголя аппетитом.

Четвертое — раздваивание самого Гоголя. Он видит себя со стороны. В Преображенской больнице объявляется сумасшедшим с именем Корейша, записки и советы которого так же, как записки и советы Гоголя, собирались экзальтированными дамами. И Гоголь едет в эту больницу, чтобы свидетельствовать сумасшедшим. Так рождаются бесконечные круги раздвоения от двоящихся завязок, от двоящихся помыслов.

— И конечно, пик раздвоения в том,

что он не умер, а его закопали живым. Третья жизнь ведь тоже завершилась неопределенно...

— Глава, посвященная Наполеону, как мне кажется, выглядит наиболее мистической. Я пытаюсь доказать, что Наполеон был не совсем человеком. В частности, я описываю бой при городе Лоди, когда сквозь Наполеона как бы пролетали пули, и прихожу к странному выводу, в котором тем не менее совершенно уверен: последовательное шествие по дороге зла делает человека практически неуязвимым. На примере жизни Наполеона я просматриваю "зависание" причинно-

унижение великого поэта, что факты подобраны тенденциозно, и что якобы в моей книге использована методика Даниила Андреева, непреложная к жизни Пушкина. Методики Даниила Андреева в этой книге не существует, потому что у Даниила Андреева не было подобной методики. Он не занимался причинно-следственной связью и драматургией жизни, схожестью механизма драматического произведения и механизма человеческой жизни.

— Тогда чем, на ваш взгляд, можно объяснить подобную реакцию? Ведь все приведенные вами документы и факты хорошо известны.

— Нужно иметь в виду, что на самом деле образование нашей интеллигенции в основном сводится к "Родной речи". Поэтому все документы, которые привожу я, считаются апокрифами. "Погиб поэт! — невольник чести — Пал, оклеветанный молвой..." — и все! И это принято, как единственно-правильная точка зрения. А то, что "невольник чести" сам подготовил то, что он "пал", никому не приходит в голову, и сама мысль об этом считается кощунственной.

— Странно. Получается, что вы писали книгу с одной целью, а она вдруг, как лакмусовая бумажка, проявила и иные ложные понятия?

— Как вам сказать... Может быть, у нас в 20-м веке вся страна превратилась в ложное понятие? Интеллигенция являлась "дрожжами", которые двигали вперед общество, культуру, но беда в том, что в нашей стране этот процесс очень сильно затянулся, благодаря чему мы и оказались в арьергарде мирового развития. Например, в западном обществе профессора и студенческий, университетский круг занимают весьма локальную нишу. Это особая жизнь, с особым укладом, и взгляды этих людей никогда не претендуют на то, чтобы выражать мнение всего народа и "истину в последней инстанции". У нас же, при затянувшемся процессе становления страны, эта прослойка, за которой закреплено и много хорошего, тем не менее, как мне кажется, потеряла некие представления о реальности. А главное, — эти люди интуитивно чувствуют, что время их ушло, что наступает эпоха, когда будут нужны специалисты, когда жизнь будут двигать деньги, а не идеи. Я сам интеллигент. И мне страшно жить в подобном мире. Вернее, — не страшно, а как бы малоинтересно. Я все-таки люблю мир идей. Но я смиряюсь, потому что это общий путь. "Нужно уважать собственное несчастье", — говорил один философ.

— А если предположить, что интеллигенция — это некий Герой, который сначала сам себе создал причинно-следственную связь, а потом, оказавшись в точке "золотого сечения" и покаявшись, решил причинно-следственную связь перезавязать, но вдруг осознал, что не успевает это сделать?

— Покаяния у атеистов быть не может. Для этого нужно обладать, как минимум, религиозным сознанием.

Интеллигенция же всегда считала, что гуманитарное сознание с лихвой заменяет религиозное. Покаяние интеллигенции невозможно еще и потому, что она стала нищей. Как нищий может покаяться? Нищий всегда будет винить всех вокруг. Еще в пору "Вех" интеллигенция не могла покаяться, а ведь тогда она была одним из правящих классов. Я думаю, агония еще продлится и интеллигенция продолжит призывать к покаянию кого угодно, только не себя.

— Вы не теряете надежды, что книга будет издана?

— Рукопись заинтересовались два издателя: Руслан Илинин и Юрий Агарков. Я не рассчитываю, что книга будет издана скоро. Им тоже нужны деньги.

Беседовал
Андрей ДОБРОВОЛЬСКИЙ.

От редакции: Как нам стало известно, книга Ю.Арабова будет публиковаться в журнале "Киносценарии", начиная с № 4 1996 года.